

В. Восканян

Проблема возникновения русской ориентации армянского народа в советской историографии

В нашей статье, опубликованной в прошлом году¹, мы пытались уточнить понятие русской ориентации освободительного движения армянского народа, изложив основные положения и взгляды историков досоветского периода по рассматриваемой проблеме.

Мы отметили, что если среди историков нет сомнений и разногласий в понимании решающего значения русской ориентации в армянском освободительном движении, то до сих пор остаются нерешенными и спорными такие вопросы, как социально-экономические предпосылки, политические причины и время зарождения ориентации на Россию. Это является результатом недостаточности изучения истории сношений армян с Россией в XVI—XVII веках, между тем именно в этот период зарождаются политические связи армян с русским централизованным государством и формируется русская ориентация освободительного движения².

Правда, нельзя не отметить, что многие из видных историков занимались историей армяно-русских отношений и создали большую серию интересных исследований. Но они изучали главным образом или древний (IX—XV вв.), или новый (XVIII—XX) период истории этих связей³.

Успехи советской историографии, плодотворная работа видных армянских историков по истории армяно-русских отношений с древнейших времен до наших дней, а также материалы, накопленные по XVII веку, делают возможным критический разбор взглядов по вопросу возникновения русской ориентации и выявление того рационального, что достигнуто нашими учеными.

* * *

К проблеме армяно-русских отношений и формирования русской ориентации одним из первых советских историков обращается видный

¹ См. В. Восканян, Вопрос русской ориентации армянского народа в досоветской историографии, „Известия“ АН Армянской ССР, 1957, № 3, стр. 43—62.

² См. указанную статью, стр. 43—44, а также нашу статью „Армяно-русские отношения в XVII в.“, „Известия“ АН Армянской ССР, 1948, № 1, стр. 77.

³ Так, вопросами сношений армян с древней Русью (IX—XV вв.) занимались академики Я. А. Манандян, И. А. Орбели, М. Н. Тихомиров, члены-корреспонденты АН Армянской ССР С. Г. Еремян, Л. Меликсет-Бек и Л. С. Хачикян. Новым периодом армяно-русских отношений (XVIII—XX вв.) занимались академики АН Армянской ССР А. Р. Иоаннисян, М. Г. Нерсисян, доктора наук А. Г. Иоаннисян, А. Г. Абрамьян, П. Т. Арутюнян, З. Т. Григорян, В. А. Парсамян, кандидаты наук М. С. Асратян, А. Арутюнян, В. Лысцов, А. Мирзоян, А. Погосян и др.

арменовед Ашот Гарегинович Иоаннисян. Он начал изучение обсуждаемой проблемы еще до революции, в университете, где написал и защитил свою блестящую дипломную работу (именуемую в Германии докторской диссертацией) по теме «Израел Ори и армянская освободительная идея»¹.

В этой интересной работе автор вкратце разбирает издревле существующую армянскую освободительную легенду и мессианские идеи, оценивая их как средневековые формы выражения чаяний армянского народа. А. Г. Иоаннисян отмечает, что т. н. освободительная легенда «составляет не материальное содержание армянского вопроса, а его идейное отображение»².

Эта легенда в течение веков видоизменялась соответственно с изменениями социально-политических условий жизни Армении, а в XVIII веке приняла новую окраску: если до конца XVII века по армянской освободительной легенде избавление страны от чужеземного ига ожидалось от «франков» Западной Европы, то в начале XVIII в. эта роль «избавителя» передается московскому царю. По мнению автора, эта новая и последняя редакция легенды принадлежит Израелу Ори, который хотел добиться помощи России в будущем освобождении Армении из-под власти Персии³, поэтому уверял Петра I, что армяне давно ждут помощи от русских царей и что эта надежда стала легендой.

А. Г. Иоаннисян мотивы новой редакции легенды ищет не в прошлом армяно-русских отношений, а в воззрениях Ори, ибо, как полагает он, русская ориентация в XVII в. не имела проторенных путей⁴.

Таким образом, получается, что И. Ори является автором новой редакции легенды и пионером русской ориентации, не имевшим никаких предшественников в области армяно-русских политических связей. А. Г. Иоаннисян берет под сомнение достоверность заявления И. Ори о проведении тайного совещания в Эчмиадзине в 1678 г. и решение обратиться за помощью к России. Он обвиняет Эзова в некритичности подхода к заявлениям Израела Ори.

«Как бы мы ни ценили достижение Эзова,—пишет он,—как бы ни было велико предпосланное подробное введение, оно является археографической компиляцией документов, содержащихся в одном сборни-

¹ *Aschot Johannissjan, Israel Ori und die Armenische Befreinngsidee, München (1914). В дальнейшем — „Israel Ori...“.*

² Там же, стр. 24.

³ «В своем письме к Петру I И. Ори писал: армянской народ „всегда жил и ныне живет с надеждою помощи и способа Вашего Царского Величества. Им образом предрекоша пророцы, что в последняя времена неверныя будут зело свырепыя... и тогда придет из Августейшаго Московского дому великий некоторый принцепс, который будет многим храбрее, нежели Александр Великий, который королевство Арменское возмет и христиан избавити будет. Сие пророчество даже до нынешня времена поверено было и еще и ныне верится...“, Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб, 1898, стр. 75.

⁴ См. „Israel Ori...“, стр. 58 и далее, 83 и далее, 104.

ке, которое, однако, вследствие скудости критики и недостаточности учета как хода развития идеи Ори, так и предпосылок его деятельности, к сожалению лишено исторического восприятия прошлого и перспективы на будущее, способно вызвать лишь потребность в историко-критическом понимании этого загадочного человека»¹. Подчеркивая большое значение сборника, А. Г. Иоаннисян отвергает концепцию Эзова как по вопросу возникновения русской ориентации, так и ее оценки и перспективы².

Но как же разрешает эти интересные и важные задачи А. Г. Иоаннисян? Надо отметить, что уже в первой главе, признавая наличие освободительной идеи армян и понимание необходимости внешней помощи со стороны Запада, он отрицает наличие какого-нибудь признака надежды на Россию до XVIII в. «Во всяком случае до сих пор,—пишет автор,—нам не было известно, что армяне до Ори лелеяли какие-то надежды на помощь России»³ и «ни первоисточники древней истории армяно-русских отношений, ни свидетельства армян-современников или иностранных путешественников и миссионеров, с острым вниманием следивших за политическими настроениями страны, нам об этом ничего не говорят»⁴.

Таким образом, по мнению А. Г. Иоаннисяна, русская ориентация не имела предшествующего ей периода политических сношений: Ори был первым человеком, который совершил исторический переворот и ориентировал освободительное движение на Россию, отворачиваясь от Запада. Отсюда вытекает, что за Израе́лом Ори не было никаких классов или серьезных общественных сил, что у него не было даже никаких предшественников, связывавших какие-либо надежды на помощь со стороны России. Лишь только разочарование повернуло его взгляд к Петру. Получается так, что ни армянское купечество, имевшее значительные связи с Москвой, ни духовенство, ни армянские поселения никакой роли не играли. Кроме И. Ори и М. Вардапета, никто еще не понимал значения России в борьбе народов Закавказья за свое освобождение. Все сводится к личной инициативе, таланту и миропониманию Изра́ела Ори, чьи

¹ Там же, стр. 9—10.

² Конечно, нельзя согласиться с концепцией Эзова. Мы еще в 1948 г. о ней писали следующее: «Эзов в своем обширном предисловии (145 страниц) к сборнику „Сношения Петра Великого с армянским народом“, также не выходя из рамок буржуазного русофильства, затушевывает колониальный характер царской политики на Кавказе и в Армении, выпячивает идейные и гуманные мотивы. С другой стороны, Эзов, как и многие другие историки, продолжает искать истоки национального движения и освободительных идей в религиозных чувствах, в внушениях иезуитов обращаться за помощью к европейским государствам, или же в „патриотизме“ карабахских меликов—обломков феодальной аристократии, не понимая того нового, что характеризует освободительное движение армян в XVIII веке», В. Восканян, Армяно-русские экономические отношения в XVII веке, диссертация, Ереван, 1948.

См. также П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века, М., 1954, стр. 5—6, 183.

³ „Israel Ori...“, стр. 11. Подчеркнуто нами — В. В.

⁴ Там же. Подчеркнуто нами — В. В.

предшественники были только людьми европейской ориентации. По мнению А. Г. Иоаннисяна, организатор тайного совещания 1678 г. А. Джугаеци также был человеком, связанным только с Европой¹. Будучи тогда еще незнакомым с архивными материалами XVII века, А. Г. Иоаннисян считал заявление И. Ори об исторических надеждах армян на Россию дипломатическим маневром, целью которого было склонить русское правительство к оказанию помощи армянам и мотивировать это историческим прошлым. Автор не пытается исследовать политические и экономические связи армян с Россией в XVI—XVII вв.

В главе V — «Русская программа»² — А. Г. Иоаннисян говорит несколько слов о заключении торгового договора 1667 г. и о предоставлении армянам привилегий. Он, конечно, не ставил перед собой цель проследить за ходом развития армяно-русской торговли. Но, к сожалению, он и не дает должной оценки этому важному экономическому моменту, по должному не оценивает роль и значение этих связей для укрепления армяно-русских политических уз. Мало того, он пишет, что договор будто остался на бумаге — вследствие выступления крестьян под руководством Степана Разина и похода в районы Каспийского моря³. Правда, договор выполнялся неполностью, но он все же сыграл свою большую роль, как экономическую, так и политическую⁴.

В Московском архиве внешней политики России А. Г. Иоаннисян в 1915 г. нашел и опубликовал письмо католикаса Акопа Джугаеци к русскому двору, выражающее просьбу оказать помощь армянам для облегчения их положения под властью шахской Персии. Это было первым и единственным свидетельством о политических связях с Россией, — первый документ, который был известен до 40-х годов.

Найдя такой важный документ, автор казалось бы должен был пересмотреть свои выводы, сделанные в 1913—1914 гг., но А. Г. Иоаннисян в своей статье «Письмо Акопа Джугаеци к русскому двору»⁵ настаивает на своем положении и с этой целью старается даже как бы умалить, снизить значение этого ценного политического документа⁶.

Нельзя пройти мимо того факта, что письмо Джугаеци написано в условиях острого конфликта между Эчмиадзином и эриванским ханом, в условиях террористического режима Персии, когда не могло быть и речи о свободной переписке, тем более о явном обращении за военной

¹ См. *„Israel Ori...“*, стр. 42—50.

² Там же, стр. 104—124.

³ См. там же, стр. 105.

⁴ Об этом см. нашу статью «Ново-торговой устав и договор с Армянской компанией в 1667 г.», *„Известия“ АН Армянской ССР*, 1947, № 6, стр. 35—43, а также «Армяно-русские отношения в XVII в.», *„Известия“ АН Армянской ССР*, 1948, стр. 55—71 и 77.

⁵ Ա. Հովհաննիսյան, Հակոբ Զուղայեցու մի գրությունը ռուս արքային, «Արարատ», 1915, սեպտեմբեր-հոկտեմբեր, էջ 778—781:

⁶ «Կաթողիկոսը հույս ունի, թե նրանց (т. е. русских) միջնորդությունը կարող էրազարար հետևանքներով անդրադառնալ հայոց վիճակի մասին և միայն այստեղ», там же, стр. 777. Подчеркнуто нами — В. В.

помощью (когда, собственно говоря, Россия не собиралась непосредственно, тем более вооруженно, вмешиваться в дела Персии). Об этом хорошо знали армяне. Дипломатическая помощь России и обращение главы церкви за хотя бы такой помощью также являются свидетельством политических связей и процесса формирования русской ориентации¹. Иначе непонятно, на каком основании А. Г. Иоаннисян говорит о европейской ориентации армян? Ведь государства Западной Европы не собирались оказывать армянам даже этой дипломатической помощи. Если Людовик XIV и обратился к шаху по вопросу армян, то это лишь с целью добиться только благожелательности шаха в отношении армянокатоликов с тем, чтобы и другие армяне стали на путь принятия католичества.

Аналогичными были результаты обращения армян к польскому королю Яну Собескому, который потребовал от них принятия католичества, ничего не сделав для армян и даже ничего не обещав.

К этому вопросу мы возвратимся в другой работе, а пока лишь отметим, что не всякое обращение за помощью и не всякие переговоры с различными странами являются проявлением ориентации на данную страну. Между тем именно обращения к русскому царю были проявлением ориентации на могучую соседнюю страну, способную оказать помощь народам Закавказья.

Отрицая значение письма Акопа Джугаеци как проявление русской ориентации, А. Г. Иоаннисян пишет: «В XVII веке решающее слово в «армянском вопросе» еще не принадлежало московскому царю. Политические деятели Армении могли думать лишь только о доброжелательных дипломатических посредничествах. Армянская мессианская идея еще не вступила на тот роковой этап развития, когда наступающий с Севера порфиноносец, как спаситель, чарует души армян, блуждавших в страданиях»².

В этой статье, как видно, А. Г. Иоаннисян частично пересматривает свое положение, но, тем не менее, отрицает русскую ориентацию до Персидского похода Петра I³. Он стремится доказать, что русская ориентация формируется только в 20-х годах XVIII в. под давлением внешнего натиска на Персию со стороны афганов и лезгинов, с другой стороны — под влиянием появления петровских войск на границах Закавказья. «Менее всего кажется вероятным,—пишет он,—что армяне свою политическую судьбу могли так рано и без принуждения связать исключительно с Россией»⁴.

¹ А. Г. Иоаннисян не обращает внимания и на тот, на наш взгляд, примечательный факт, что письмо Джугаеци, относящееся к 70-м годам XVII в., оказалось не на своем месте, а в делах 1724 г., т. е. в делах того времени, когда русские войска оккупировали прикаспийские районы и Петр I непосредственно был занят делами Закавказья и Армении. Именно тогда и этот документ был снова поднят как важное свидетельство длительного существования политических сношений армян с Россией.

² И. Հովհաննիսյան, Հակոբ Զոհաշեցու մի գրութունը ռուս արքունիքին, էջ 779:

³ См. там же, стр. 778—779.

⁴ Там же, стр. 776.

Таким образом, выходит, что русская ориентация появляется не как отражение долголетних чаяний народа, а как результат исключительно своеобразной политической обстановки на данном этапе развития событий в Персии. А. Г. Иоаннисян старается показать, что первоначально торговая буржуазия (как и весь народ) не имела русской ориентации, ибо она была пассивным политическим элементом, что буржуазия лишь «последним и вынужденно выходит из рамок политически спокойного и невозмутимого мировоззрения, чтобы приобщиться к одному из новых влияний и, вдохновленная им, кинуться на поле боя»¹. Итак, по мнению А. Г. Иоаннисяна, до 1720-х годов торговая буржуазия индеферентна, неподвижна. Оказывается, Петрос ди Саргис Гиланенц, этот купец, политический и военный деятель русской ориентации, был «единственным и настоящим бойцом на пустынном поле политической истории армянского капитала»².

Автор почему-то об активности буржуазии судит лишь по участию ее представителей в освободительной войне. Если на поле брани их нет, то они, оказывается, находятся вне политики. Мало того, по мнению А. Г. Иоаннисяна, буржуазия, даже в лучшие свои времена, не имеет своей программы действия.

Приведем слова автора, чтобы яснее была логика развития его концепций: «Армянское торговое сословие осталось совершенно далеко от этих политических событий. Лишенное национальных, политических идеалов (мечтаний), оно не имело определенной программы настоящей деятельности... И что мог ожидать армянский купец от длительной победы племенных и провинциальных принципов, если не одного лишь разложения крупных политических объединений (или союзов, *միութենք* — В. В.) и расстройства и разложения действующих экономических организаций»³.

По мнению А. Г. Иоаннисяна, эта пассивность армянской торговой буржуазии объясняется бесперспективностью освободительного движения, победа которого будто бы могла привести только лишь к разложению крупных политических и экономических организаций (вероятно Ирана и Турции). Но ведь победа освободительного движения означала также присоединение Армении к России или же ее союз с Россией, представляющей более крупное политическое объединение, с более широкими возможностями торговой деятельности в системе сплоченного и централизованного государства и общероссийского рынка (чем это могло быть в отсталом Иране или Турции). Быть может, А. Г. Иоаннисян имеет в виду борьбу против Ирана в условиях восстания афганцев, когда сохранение прежнего положения сефевидского государства было наименьшим злом? Но ведь речь идет об освободительной борьбе, которая никак не могла ограничиться одним отражением нашествий на Пер-

¹ А. Г. Иоаннисян, Петрос ди Саргис Гиланенц (на арм. яз.), Эчмиадзин, 1916, стр. 9.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 8.

сию. А ведь персидское владычество никак не могло устраивать не только армянский народ, но и армянское купечество, ибо в Персии, особенно в конце XVII и в первых десятилетиях XVIII века не было «первого основного условия буржуазного приобретения—обеспеченности личности купца и его собственности»¹.

Армянские купцы, исколесившие страны Европы, Азии и Африки, ясно видели и понимали всю невыносимость персидского и турецкого деспотизма, пороки иерархического устройства этих государств, где царил произвол многочисленных местных властителей — пашей и ханов. Если купцы открыто не высказывали свое недовольство, трусливо скрывали свою ненависть к господствующей системе и приспосабливались, то это никак не подтверждает положение об их пассивности. Далее, Иран и Турция не были ни крупными экономическими организациями, ни централизованными государствами с национальным рынком; они были отсталыми странами Востока.

А. Г. Иоаннисян также не говорит о том, как и когда торговая буржуазия присвоила эту где-то существующую и кем-то созданную программу борьбы. Если буржуазия пассивна, то спрашивается, какие слои армянского общества в XVII—XVIII веках были более активными, прогрессивными и способными создать программу для буржуазии, вдохновленная которой, она бросается в бой. Получается такое впечатление, что освободительное движение рассматривается автором лишь как борьба армянских феодалов за восстановление своих частновладельческих прав, что, конечно, ничего хорошего не обещало молодой буржуазии, кроме феодальных усобиц, новых нашествий на Армению, новых войн и господства иных хозяев. Именно поэтому армянская буржуазия смотрела на Север.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма подтверждают прогрессивную и активную роль торговой буржуазии в первый период борьбы против феодализма и феодальной раздробленности, в период возникновения и развития буржуазных связей. Известно, что эти буржуазные связи способствовали развитию национальных связей, разворачиванию освободительного движения.

Оставляя эти вопросы для специального разбора, вернемся к работам нашего автора. В указанной диссертации и статьях А. Г. Иоаннисяна нет ясного ответа на ряд вопросов: если буржуазия инертна, то какой класс в XVII—XVIII веках был более активным и прогрессивным? Когда и почему буржуазия «вдруг» стала активной силой? Какова причина этой метаморфозы?

В XVII—XVIII веках русское владычество соответствовало объективным интересам армянского народа, армянской буржуазии и духовенства. Если к России, по мнению автора, примыкал только феодальный элемент, и лишь вследствие внешнего принуждения, то чем объяснить мощное народное восстание в Армении и Грузии, выступление десятков

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 22.

тысяч трудящихся с оружием в руках, когда они в 1720-х годах пошли на встречу русским войскам, считавшимся издревле спасителями Закавказья? Это было всеобщим и мощным волсизъявлением армянского народа, демонстрацией его русской ориентации, подготовленной вековой историей политических сношений и дружбой между народами¹.

На границах Армении, разделенной с XVII века между Турцией и Персией, часто появлялись то турецкие, то персидские, а потом и афганские войска, но никому и в голову не приходит мысль о зарождении турецкой или афганской ориентации. Ориентация на Россию была подготовлена объективными условиями внутреннего и международного положения Армении и внешней политики России.

Возвращаясь к обсуждаемой проблеме еще раз в 1921 году, А. Г. Иоаннисян как бы обобщил свои основные мысли и высказал дополнительные соображения на основании вновь найденных документов. Подводя итог проделанной им работы, он писал: «Непосредственное исследование этих материалов дало возможность полностью отвергнуть господствующую теорию о зарождении русской ориентации армян и обосновать и развивать новое понимание предлагаемого вопроса. Мы вырабатывали то убеждение, что до 1720-х г. русская ориентация не только не питала политическое воззрение армянских народных масс, но даже не являлась путеводителем какого-либо из ведущих сословий на пути его политических исканий»².

Тут же он обещает вернуться «к литературно-историческому описанию начала русской ориентации в другом исследовании, посвященном первому восстанию в Карабахе и Зангезуре времен Давид-бека Сюниси»³.

Отрицая существование русской ориентации до 1720-х г., он в первой же главе своей работы повторяет тезис об отсутствии армяно-русских политических связей в XVII веке, т. е. до установления связи с Россией Израелом Ори и Минасом Вардапетом (т. е. с 1701 г.):

«Изучение вопроса о начале армяно-русских политических отношений связано с переоценкой деятельности двух знаменитых армян — Исраэла Ори и Минаса Вардапета, живших в XVII—XVIII веках»⁴.

¹ Еще в 1948 г. мы писали: «Русская ориентация ярко выявилась в 1720-х г. не потому, что она зарождалась вследствие данной исторической обстановки, а лишь потому, что вступление русских войск в Закавказье сделало уже существующую ориентацию очевидной и бесспорной. Если ориентация зародилась бы в результате приближения русских войск, то она должна была исчезнуть после их отхода, между тем известно, что даже тяжелые испытания и глубокое разочарование не смогли ослабить надежды армян на Россию: наоборот, Россия стала той единственной страной, с которой армяне окончательно связали надежды своего освобождения», В. Восканян, Армяно-русские отношения в XVII веке, «Известия» АН Армянской ССР, 1948, № 1, стр. 77.

² А. Иоаннисян, Вопрос возникновения русской ориентации у армян, Эчмиадзин, 1921, стр. VI. Подчеркнуто нами — В. В.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 7.

Далее автор пытается доказать недостоверность письма армянских старшин, собравшихся в 1699 г. на тайное совещание в местечке Ангехакот, с целью обратить внимание Петра I на судьбу армянского народа. Отрицая наличие русской ориентации, А. Г. Иоаннисян Израелу Ори приписывает стремление искусственно создать видимость приверженности армян к Петру I и России вообще. Поэтому автор скептически относится ко всем документам, которые в одном случае ему кажутся малозначными, в другом — сомнительными или просто подделанными. Автор жалеет, что под его рукой нет оригинала обращения Ангехакотского собрания от 29 апреля 1699 г., между тем сравнение этого документа с другими «могло бы, может быть, окончательно осветить вопрос»¹.

Да, предположим, что письмо к римскому папе составлено «аналогичным образом», т. е. не в Армении, а в Риме, но неужели это дает основание говорить о лживости сообщений Ори о желании армян получить внешнюю помощь в своей освободительной борьбе. Конечно нет! А. Г. Иоаннисян все же воздерживается от выдвижения против Ори тяжких обвинений, как это делали его противники и будущие злопыхатели, обвинявшие его в мошенничестве, воровстве, шпионаже и вообще в чем угодно, только не в защите интересов армянского народа. А. Г. Иоаннисян подтверждает, что Ори был искренним сторонником освобождения Армении, но так как армянский народ и его ведущие классы в это время еще не связывали и не хотели связать никаких надежд с Россией, то Ори старался создать видимость приверженности армян и с этой целью не останавливался перед обманом и подделкой документов. Это утверждение А. Г. Иоаннисяна красной нитью проходит по всему произведению и довольно четко сформулировано в ряде отрывков. Так, в главе III «Значение подлога» он пишет: «Что из себя представляет этот подлог? Результат авантюристических замыслов, лишенный исторической ценности, или исторически осмысленное явление? Ответить на этот вопрос означает не только разыскать психологические корни подлога, но и пересмотреть исторические выводы, сделанные до сих пор на основании занимающих нас писем»².

А. Г. Иоаннисян склонен прлагать, что армянские старшины действительно обратились за помощью к папе римскому, императору Германии Леопольду и курфюрсту Пфальца Иоганну Вильгельму, а Ори потом самовольно обратился также к Петру I, но не по желанию армянской знати, а по совету и «указаниям своих друзей, пользовавшихся влиянием в венском дворе»³.

Отвергая абсурдное обвинение о выполнении Израелом Ори шпионского задания шведского короля Карла XII (поднять Россию войной против Персии, чтобы этим самым предотвратить опасность войны про-

¹ Там же, стр. 37.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 50.

тив Швеции)¹, А. Г. Иоаннисян аргументирует это доводами, которые, однако, не состоятельны. Он думает, что план русского похода в 1700 г. на Персию должен был быть разработан «самое позднее в 1697—98 гг., когда на политическом горизонте Европы не было ни имени Карла XII, ни опасности грядущей русской (т. е. Северной—В. В.) войны»².

Но известно, что Карл XII именно в эти годы был королем Швеции (1797—1818) и что тогда была и опасность войны, так как вековой конфликт за выход в Балтийское море не был разрешен. Однако наличие опасности войны России со Швецией не дает никакого основания считать, что патриотические устремления Исаела Ори преследовали хотя бы побочную цель отвлечь внимание и силы России от Швеции, направив их на Персию.

Исаел Ори был представителем своего народа, постольку и защищал внешнеполитические интересы России — надежды освобождения своей родины. Он был связан с армянами и с Арменией, ощущал биение пульса своей родины, искал средства для вылечивания ее ран. Поэтому нельзя оторвать его от родной почвы, от долголетних тесных связей армян с Россией и думать, что Исаел Ори, как и Минас Вардапет, «по совету благожелательных европейцев вынуждены (?— В. В.) были в конце концов (? — В. В.) просить правительство царя об освобождении персидских армян»³.

Почему же лишь вынужденно, лишь в конце концов и по совету венских друзей, а не по требованию армян Закавказья и России они должны были обратиться к Петру I? Оказывается потому, что, как поясняет автор, «не только отсутствовало такое упование, но вероятно даже было противодействующее настроение, направленное против мысли связать политическую судьбу армян с Россией»⁴.

Еще и еще раз подчеркивая одиночество Ори и беспочвенность его политической программы, А. Г. Иоаннисян пишет: «В самом деле, ни один из достоверных источников не свидетельствует о популярности русской ориентации в начале XVIII века. Из выразителей русофильских стремлений в это время среди армян бросается в глаза только один человек — гандзасарский патриарх Исай»⁵, причем даже он в начале века будто бы не был безоговорочным сторонником Ори, каким его сделали Ори—в 1709 г. (когда Исай также обращается к Петру) и Минас Вардапет — в 1715 г. (когда он был в персидском посольстве Артемия Волинского)⁶. Серьезный поворот во взглядах Исая происходит лишь в период Персидского похода Петра I. Таким образом, Исаел Ори, Минас Вардапет и католикос Исай были единицами, за которыми, по мнению А. Г.

¹ См. Цагарели, Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии, т. II, вып. 2, стр. XI, СПб, 1902, стр. XI.

² А. Иоаннисян, Вопрос возникновения русской ориентации у армян, стр. 50.

³ Там же, стр. 52. Автор ссылается на свою работу „Israel Ori...“, стр. 162 и далее.

⁴ А. Иоаннисян, Вопрос возникновения русской ориентации у армян, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 56. Подчеркнуто нами — В. В.

См. там же, стр. 56—57.

Иоаннисяна, не было серьезных общественных сил, не было массы. Народные же массы оставались совершенно нетронутыми (во всяком случае до Персидского похода Петра).

«Зарождение русской ориентации,—пишет автор,—происходит около 1720 г., когда притесненная от восставших против Персии племен большая группа армянских церковников и меликов вынуждена была обратиться за русской помощью и надеяться от них спасения, между тем как старания **Исраела Ори** и **вардапета Минаса** эту надежду преподносить русским как пользующееся популярностью политическое явление были только дипломатической игрой, которая не имела отправной точки в современных воззрениях армян».

Это чисто умозрительное предположение легко опровергается документами, опубликованными Эзовым, а также документами XVII века. Ведь ясно, что за католиком Исаем, **Исраелом Ори** и **Минасом Вардапетом** стояли массы других людей, можно сказать даже весь народ, чьи объективные интересы выражались этими людьми — передовыми представителями освободительного движения того времени.

Вместо того чтобы корни этого движения искать в объективных условиях внутренней жизни и международного положения Армении, как и в исторической дружбе, в вековых экономических и политических связях армян с Россией, А. Г. Иоаннисян обратил свое внимание главным образом на почерки и печати писем армянских старшин. Он безапелляционно заявляет, что будто оторванные от общественных сил «**Ори** и **Минас Вардапет** исчерпали важный период своей жизни в тайных политических переговорах», притом они «должны были скрывать истинное положение вещей и от новых покровителей и от старых единомышленников, т. е. от армянских меликов»². Значит, **Исраел Ори** без особого труда в течение 10 лет обманывал как русское правительство, так и армянскую общественность, создавая у них иллюзорные надежды о взаимной благожелательности, готовности политического и даже военного сотрудничества.

Свою точку зрения А. Г. Иоаннисян старается подкрепить еще и тем, что **И. Ори** будто бы не оставил никаких следов в народной памяти и в современных источниках. «С течением обстоятельств,— пишет он,— армяне пошли по политическому руслу, намеченному **Исраелом Ори**, оставаясь незнакомым с тем крупным историческим лицом, чья деятельность должна была стать решительным поворотным пунктом в прошлом армянского вопроса»³. Но известно, что как в армянских источниках, так и в богатых фондах русских архивов почти нет упоминаний о герое освободительной войны **Давид-беке**⁴, однако никто, и в том числе А. Г. Иоаннисян, не берет под сомнение широкую популярность как героя, так и

¹ Там же, стр. 63—64. Подчеркнуто нами — В. В.

² Там же, стр. 64.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Если не считать в 1737 г. (более, чем 10 лет спустя после восстания) продиктованную соратником **Давида-бека** — **Ст. Шаумяном** — книжку «Избранная история **Давида-бека...**» и несколько памятных записей.

всего движения 20-х годов XVIII века. Это во-первых; во-вторых, известно, что даже в документах Эзова очень много свидетельств о популярности Исаела Ори. Об этом же свидетельствуют иностранные источники, отразившие ту огромную панику, которую вызвало появление посольства Исаела Ори в Персии, как и тот подъем, который чувствовался в настроениях народных масс Закавказья. Далее, нельзя абстрагироваться от условий XVIII века (террористического режима в Персии), когда все надо было делать и делалось в глубокой тайне, чтобы не подвергать опасности жизнь борцов и само движение. В этом отношении характерно «Объявление» Минаса Вардапета от 5 апреля 1719 г., в котором он пишет: «Об сем секретном деле есть рачителей много, но от многих стран имеют страх, так что, на сию страну и думать при иных не смеют, как и наш патриарх с великим трепетом писал, а прочее доношение нам приказал предлагать»¹.

А. Г. Иоаннисян в своей книге «Вопрос возникновения русской ориентации у армян» приводит часть этого документа, но почему-то не делает надлежащего вывода. Странно, что такой взыскательный, строгий и недоверчивый к источникам автор так доверчив, когда речь идет о документах, доказывающих правильность концепции автора. Так, он охотно верит Крузинскому, который объявляет Минаса Вардапета «хорошим католиком»². Он верит также заявлениям Исаела Ори, в которых будто бы заверяется европейская ориентация армян. Так, по мнению А. Г. Иоаннисяна, в 1699—1700 гг. Ори «свою главную надежду возлагал на курфюрста Пфальца и императора Леопольда. Русский царь должен был дать возможность им осуществить освобождение персидской Армении. Действительного вмешательства от него (т. е. от царя) армяне не ожидали и даже не считали желательным»³. (Почему, откуда это видно? — На эти вопросы нет ответа).

А. Г. Иоаннисян, подчеркивая коренное изменение взглядов Ори в начале XVIII века, считает, что общественность Армении, церковь и купцы остались на прежних позициях и не могли понять те сдвиги, которые произошли в освободительной идеологии, не поняли Исаела Ори. «Если бы даже нужно было делать выбор между старым и новым направлением освободительного движения, то армянские католики того времени отдали бы предпочтение старому пути»⁴, т. е. европейской ориентации. А. Г. Иоаннисян верит тому, что католики Азарий и Симеон приняли католичество (хотя это и скрывали), что «по свидетельству Крузинского также и католикос Исай, должно быть, послал грамоту о своей покорности папе Климентию XI...»⁵.

В противовес этому, он отрицает даже неопровержимые факты, если они говорят против его концепции. Так, он пишет: «Нет основания утвер-

¹ Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 331.

² А. Иоаннисян, Вопрос возникновения русской ориентации у армян, стр. 34

³ Там же, стр. 51. Подчеркнуто нами — В. В.

⁴ Там же, стр. 59.

⁵ Там же, стр. 60. Исай католик?! И автор не отвергает это!

ждать, что Ори непременно в Эчмиадзине вел какие-нибудь переговоры от имени России»¹. Между тем самая простая логика подсказывает, что Израел Ори, полковник русской армии, руководитель русского посольства, не мог не вести переговоров с эчмиадзинским католикосом, который мог и должен был играть немаловажную роль в период подготовки и проведения Персидского похода. В письме эчмиадзинского католикоса Александра к Петру I указывается, что И. Ори прибыл в Эчмиадзин, «все передал католикосу», «сообщил о той любви», которую имеет Петр к армянскому народу, и т. д. Казалось, это дает достаточное основание не сомневаться в достоверности факта о проведении переговоров Ори в Эчмиадзине. Но и этот документ, приложенный к книге А. Г. Иоаннисяна, кажется ему ничего не говорящим, так как в нем будто бы «трудно будет искать какой-нибудь политический смысл. Эта грамота ни к чему не обязывает и, по-видимому, написана по просьбе Ори с целью сообщить царскому правительству, что посол свою роль во всяком случае выполнил как следует»². Но, спрашивается, — а что еще надо? Неужели содержание всех секретных переговоров должно быть изложено в письме, чтобы оно стало свидетельством о политических переговорах? Разве можно сказать, что это письмо ничего не говорящее? Так тенденциозно анализируя факты и документы, А. Г. Иоаннисян добивается своего, создавая иллюзию об одиночестве И. Ори, оторванности армянских освободительных чаяний от России и приверженности армянских деятелей европейской ориентации. Ценнейшие документы эпохи ему кажутся то малозначащими, то подделанными. Нет возможности в небольшой статье разобрать вопросы об убедительности филологического анализа А. Г. Иоаннисяна о достоверности этих документов. Пока лишь скажем, что ему ни в какой мере не удалось хотя бы частично доказать те выводы, которые вытекают из его суждений.

В заключении исследования автор формулирует свою концепцию следующим образом: «Русская ориентация, чуждая трудящемуся народу и искусственная прививка к его политическому мировоззрению одно время казалась путем спасения умирающих обломков армянского феодализма, когда русский режим считался единственной надеждой сословных прав и привилегий в Закавказье — против загнивающего деспотизма и зарвавшегося родового порядка»³. Итак, по мнению автора, русская ориентация в 1720-х годах казалась средством спасения лишь феодальной собственности и феодальных прав армянских меликов, оказавшихся в опасности вследствие восстания афганских и курдских племен против Персии. Это положение автором сформулировано полнее в другом месте: «В пожарище отступающего ислама и победоносного царизма духовный и светский феодализм питал и исчерпал последние надежды самостоятельного существования. Идя на смену разлагавшемуся феодализму, армянская буржуазия унаследовала его покорное поведе-

¹ Там же, стр. 62.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 67. Подчеркнуто нами — В. В.

ние. И это имело основания. Русский режим был надежной опорой частновладельческих устоев для торгово-промышленного класса, добивавшегося социальной гегемонии»¹. Однако автор забывает об одном, пожалуй о главном. Ведь русская ориентация была не только и даже не столько социальной проблемой, сколько политической программой национально-освободительного движения против персидского и турецкого владычества. Если бы это было только и главным образом вопросом социального характера, то тогда никак нельзя было понять существование общенародной русской ориентации как у армян, так и у других народностей СССР. Далее он отмечает, что после победы Великой Октябрьской революции буржуазия отказалась от русской ориентации, восстала против России для спасения своей собственности и господства. По мнению А. Г. Иоаннисяна, трудящиеся массы ориентировались на Россию только после Октябрьской революции. «Русская ориентация наших дней,—пишет он,—идет по пути освобождения масс... Сегодня в этой ориентации куется звено революционной стихии освобожденных от оков армянских трудящихся»².

В период революционной борьбы и установления Советской власти вполне законно и понятно стремление историка-большевика А. Г. Иоаннисяна показать, что в условиях господства царизма, русская ориентация (так досадно отождествленная им с царской ориентацией) не могла быть общенародной ориентацией трудящихся армян.

В условиях зарождения марксистской историографии в Армении подобный социологизм вполне объясним и понятен. Однако это не дает право умалчивать, а тем более оправдывать ошибки. Как видно из автореферата докторской диссертации А. Г. Иоаннисяна «Очерки истории армянской освободительной мысли» (Ереван, 1955 г.), автор коренным образом пересмотрел свои взгляды, что, конечно, нельзя не приветствовать.

Подводя итоги анализа взглядов А. Г. Иоаннисяна по вопросу возникновения и развития русской ориентации, мы должны в его трудах усмотреть ясно сформированную концепцию, которая сводится к следующим основным положениям:

1. В 1701 г. по инициативе И. Ори в Москве вырабатывается программа освобождения Армении при помощи русских войск и восстания армян. Пионер русской ориентации, автор новой освободительной идеи И. Ори не представлял никого — ни армянский народ, ни даже какое-либо из сословий. Он действовал помимо их воли и сознания, даже против них, так как ведущие классы ждали помощи от государств Западной Европы, имели европейскую ориентацию.

2. После смерти Ори (1711 г.) эта программа по-прежнему оставалась только в сфере дипломатических переговоров Минаса Вардапета с русским двором. Только в 1720-х годах эта ориентация была подхвачена обломками умирающего армянского феодализма — меликами.

3. Позже (здесь автор даты не указывает) русская ориентация была

¹ Там же, стр. 68.

Там же.

унаследована буржуазией и стала программой использования царизма как средства для эксплуатации и подчинения масс.

4. Начало русской ориентации армянского народа положила Великая Октябрьская революция, когда трудящиеся впервые обращают свои взоры на Россию и на русский народ.

Несмотря на ошибочность концепции и односторонность исследований А. Г. Иоаннисяна (1914—1921 гг.), справедливость требует отметить, что его первые труды все же сыграли определенно положительную роль. В атмосфере дифирамбов царизму они прозвучали полным диссонансом господствующей идеологии, выдвигая классовые и социальные мотивы, которые умалчивались буржуазной историографией. В этих трудах А. Г. Иоаннисян разоблачал апологетику русского царизма и его завоевательную политику, выявлял принципиальную разницу в позициях различных классов к царизму, подвергал критике построения буржуазной историографии по изучаемой проблеме.

Труды А. Г. Иоаннисяна вызвали живой интерес к научной и критической разработке истории армяно-русских отношений и подняли массу вопросов, которые требовали и требуют обоснованного ответа.

Долгое время, до конца 1930 г., никто не возвращался к этой проблеме. Только после исторических решений партии и правительства о преподавании гражданской истории в школе и раскрытия принципиальных ошибок антиисторической, социологической школы Михаила Николаевича Покровского в Армении стали возвращаться к проблеме вековых сношений армян с русским народом.

Ошибочные положения буржуазной историографии, а также вульгарной социологической школы Покровского, пересматриваются в 30-х годах. Однако долгое время в научный кругооборот не входили ни новые факты, ни новые плодотворные мысли по вопросу о русской ориентации армянского народа.

В 1936 г. в № 11 журнала «Борьба классов» вышла статья С. Маркосяна «Колониальная политика царизма и армяне в XVIII веке», написанная на основе опубликованных документов¹.

Автор делает попытку преодолеть ошибки школы Покровского, но по вопросу, интересующему нас, ничего нового не добавляет.

В 1940 г. была издана работа В. А. Парсамяна «Колониальная политика царизма в Армении»², посвященная истории XVIII и первой половины XIX века. В. А. Парсамян, как и все другие историки, началом политических сношений Армении с Россией считал деятельность Исраела Ори и совершенно не затрагивал вопросы истории XVII века. Он пишет, что развернувшееся в XVII веке освободительное движение армян «по историческому стечению обстоятельств с начала XVIII в. связывается с помощью России», и что «армяно-русские политические отношения свя-

¹ ПСЗ, Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, М., 1833—1838 гг., т. I—III; Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом.

² Վ. Պարսամյան, Եւրոպայի զարգացմանը և Ռուսիայի հետ հարաբերությունները, Երևան, 1940:

В 1945 г. А. Арутюнян для студентов заочного пединститута опубликовал книгу об Израеле Ори. Автор на основании документов, опубликованных Эзовым и др., критикует ошибки Лео за непоследовательность в оценке Израела Ори и дает позитивное изложение темы. Отвергая положения Айгела и Лео, А. Арутюнян старается показать, что Ори не был купцом и что он «вынужден был заниматься торговлей для продвижения своего политического дела»¹. А. Арутюнян во всем верит Ори, считает его потомком армянской феодальной фамилии Прошьянов, будто наделенным наследственными качествами патриота. «Род Прошьяна,— пишет он,— в армянской общественной жизни в последней четверти XVII века (!) еще играл крупную роль, и это именно является причиной того, что представитель этого рода — подросток (?) Ори — участвует (?) в тайном собрании Эчмиадзина в 1678 году»².

Нам во всяком случае неизвестно, участвовал ли И. Ори в тайном совещании 1678 г. В документе говорится лишь о том, что на собрании избрали делегацию, в состав которой вошел также отец Израела Ори, «Исраиль, из сиятельной фамилии принцыпов Бросхийских урожден», который «посылал вместо себя сына своего, Израеля Ория»³.

А. Арутюнян, по традиции, переоценивает роль Ори в формировании политических связей и русской ориентации. Он пишет: «Первое десятилетие XVIII века является эпохой зарождения армяно-русских политических связей. Таким образом, начало XVIII века является периодом возникновения армяно-русских политических связей — ориентации (??), что было результатом кропотливой и упорной работы Ори. Поэтому не правы те исследователи, которые происхождение армяно-русских отношений — ориентации относят к более позднему времени, послеориетовскому периоду... Ори — первый армянин, который в начале XVIII века действительно сумел создать армяно-русские политические связи, создать поворотный пункт в армянской политической жизни»⁴.

Итак, получается такое впечатление, что Ори — герой-одиночка, создает связи между народами, диктует стремления к освободительной борьбе, отворачивается от старых путей, создает новую ориентацию, при этом не имея ни сторонников, ни предшественников.

Несмотря на указанные недостатки, брошюра Арутюняна была и осталась первой и единственной научно-популярной работой, посвященной Израелу Ори.

В 1947 г. мы опубликовали свою статью, в которой, по примеру русских историков Е. Зевакина, М. Полиевктова и Н. А. Смирнова, пытались по-новому осветить развитие армяно-русской торговли в XVII веке, подчеркнуть ее политическое значение. В этой статье отмечается сближение армян с Россией. Политические деятели Саркис Ованесов, Иван Та-

¹ Հ. Հարությունյան, *Իսրայել Օրի, Երևան, 1943, էջ 11:*

² Там же, стр. 6. Подчеркнуто нами — В. В.

³ Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 25.

⁴ Հ. Հարությունյան, *Իսրայել Օրի, էջ 43:*

вакалов, Захарий Саградов, Григорий Лусиков и другие подчеркивали свою приверженность России, отмечая, что «они де сами христианской веры и для того великому государю служить и работать рады»¹. Эти слова Ходжи Захария мы рассматривали как «не только попытку торговые интересы представить в виде религиозной близости, но и искреннее выражение недовольства купечества своим положением в Персии»². Мы пытались «связать составление Ново-торгового устава с заключением договора с Армянской компанией, мира с Польшей»³.

При рассмотрении значения договора 1667 г. и целей русского правительства в статье отмечаются следующие моменты: «1. Вытеснить европейский капитал из Персии при помощи армянского торгового капитала. 2. Укрепить связь с Персией для проникновения России на Восток, для концентрирования торговли шелком и другими персидскими товарами в руках Армянской компании, для установления торговых связей с Россией, для нанесения экономического удара по Турции и особенно для приостановления турецкой агрессии на Север. 3. Привлечь в русскую торговлю богатых, поворотливых, опытных и рискованных купцов-армян, знающих в равной мере хорошо экономику и торговлю, язык и нравы как Запада, так и Востока, от Италии до Швеции, от Турции до Индии. 4. Укрепить связи с армянским народом, страдающим под игом деспотизма Турции и Персии, готовым стать опорой восточной политики России в условиях опасности войны.

Договор 1667 г. и развитие торговли Армянской компании в последней четверти XVII века создали почву для развернутых экономических и политических отношений армянского народа с Россией при Петре I»⁴.

Материалы, обнаруженные нами в фондах Московского Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и предварительные выводы о политических связях армян с Россией мы изложили в статье «Армяно-русские отношения в XVII веке»⁵, изданной в 1948 г., а также в кандидатской диссертации, защищенной в том же году⁶. В дальнейшем они целиком вошли в сборник документов⁷.

В этих работах мы проследили за ходом зарождения экономических и политических связей армян с Россией, рассматривали его в непосредственной связи с политикой России в Закавказье и Грузии, в свете взаимной заинтересованности в совместной борьбе против турецкой и персидской агрессии в Закавказье. Было обращено внимание на то, что уже с XV в. Грузия обращается к России и что связи грузин и ар-

¹ В. Восканян, Ново-торговый устав и договор с Армянской компанией в 1667 г., «Известия» АН Армянской-ССР, 1947, № 6, стр. 38.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ В. Восканян, Армяно-русские отношения в XVII в., «Известия» АН Армянской ССР, 1948, № 1.

⁶ В. Восканян, Армяно-русские экономические отношения в XVII веке (роль армян в русско-персидской торговле), Ереван, 1948.

⁷ «Армяно-русские отношения в XVII в.», Ереван, 195 .

мян с Россией становятся более осязаемыми в XVI—XVII веках и особенно во второй половине XVII века вследствие дальнейшего усиления русского государства, воссоединения Украины с Россией, роста ее международного значения, ослабления Турции и Персии, а также подъема освободительного движения народов Закавказья.

Остановившись на деятельности ряда видных представителей армянского народа, мы старались показать развитие политических связей и формирование русской ориентации как длительный вековой процесс, когда подготавливалась и вырисовывалась будущая русская программа освобождения Закавказья, окончательно сформулированная в 1701 г. Израелем Ори в Москве.

Армянские политические деятели, дипломаты, купцы и духовные лица, отражая общие стремления различных слоев и классов, укрепляли экономические, культурные и политические связи с Россией, способствовали формированию русской ориентации еще в середине XVII века. Пытаясь дать периодизацию истории армяно-русских отношений допетровского времени, мы отметили следующие три периода:

«1) Со времен Киевской державы до второй половины XVI века... 2) С царствования Ивана IV до 60-х годов XVII века..., когда укрепляются армяно-русские торговые, экономические и политические связи как следствие активизации восточной политики России и попыток в борьбе с Турцией и ее вассалом Крымом опереться на народы Закавказья... армяне в этот период в лице России видят могучее государство, чье покровительство имеет реальное значение и большие перспективы. Армяно-русские отношения этого периода характеризуются развитием торговых связей и армянских поселений, генезисом русской ориентации армян. 3) С 1660-х годов до конца века..., когда русская ориентация формируется как реальный путь освобождения от турецко-персидского ига»¹.

Приведенные в указанных статьях и диссертации факты показывают, что Израил Ори и его программа имели своих предшественников и свое прошлое, что в различных слоях армянского народа уже в XVII веке происходит брожение и появляется надежда на русскую помощь, что уже тогда были обращения за помощью к России. Мы устанавливаем тот факт, что вопрос присоединения Грузии и Восточной Армении был поставлен в повестке дня русской внешней политики еще в середине XVII века, и что Григорий Лусиков и др. армянские деятели развернули в этом направлении кипучую деятельность. Они одновременно стремились способствовать сплочению сил России, Персии и Польши против турецкой агрессии (а также антитурецкой коалиции вообще).

Однако надо сказать, что приведенные нами факты и их анализ в этих работах были недостаточны для полного обоснования выдвинутых положений.

¹ В. Восканян, Армяно-русские отношения в XVII в., «Известия» АН Армянской ССР, 1948, № 1, стр. 77.

В 1948 г. А. Г. Абраамян выступил с интересной статьей под заглавием «Русский народ и Москва в армянских средневековых источниках»¹. В этой работе автор приводит примечательные факты, подтверждающие наличие политических связей и приверженности армян к России. Говоря об экономическом, культурном и политическом сближении армян с Россией, он отмечает, что «во второй половине XVII века в кругах армянских патриотов постепенно назревает идея освобождения армянского народа с помощью России»².

В своих дальнейших работах А. Г. Абраамян показывает общность освободительных устремлений народов Закавказья, их совместную борьбу с иноземным гнетом и их вековую связь с Россией.

Как в статьях, так и в монографии «Страница из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений»³ А. Г. Абраамян показывает благотворное влияние России на совместную борьбу и сплочение сил народов Закавказья. В главе «Ориентация на Россию в Восточной Армении», как и в других главах монографии, автор показывает глубокие корни связей с Россией (даже тогда, когда Петр I прекратил дальнейшее продвижение на территории Закавказья и заключил перемирие с Турцией). Документы в приложении книги говорят о дальнейшем укреплении политических связей с Россией и углублении русской ориентации.

По исследуемому вопросу такие же мысли развивает П. Арутюнян как в своих статьях, так и в монографии «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века». Критикуя концепцию А. Г. Иоаннисяна по данному вопросу⁴ и ошибки В. А. Парсамяна⁵, он признает правильность положений о зарождении армяно-русских политических связей в XVII веке, о связи армянского освободительного движения в самом начале с Россией. «Движение за присоединение Армении к России,—пишет он,—представляет первостепенно важное явление в истории армянского народа. Оно возникло и развивалось вместе с освободительным движением армянского народа и имело глубокие экономические, политические и культурные основы, без изучения которых нельзя понять это движение и дать ему правильную оценку»⁶.

Начало XVIII века, по мнению П. Т. Арутюняна, знаменательно не зарождением русской ориентации, а ее усилением. «Рост движения армянского народа за присоединение к России в первой четверти XVIII века,—пишет он,—неразрывно связан с общим усилением могущества и престижа русского государства при Петре I. Особенно большое влияние

¹ Ա. Աբրահամյան, Ռուս ժողովուրդը և Մոսկվան հայ միջնադարյան մատենագրության մեջ, Երևանի պետ. համալսարանի գիտ. աշխատություններ, № 27, էջ 211—235:

² Там же, стр. 234.

³ Ա. Աբրահամյան, Մի էջ Անգրիկոփառի ժողովուրդների և հայ-ռուսական հարաբերությունների պատմությունից, Երևան, 1953:

⁴ См. П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века, стр. 182—184.

⁵ См. там же, стр. 6—7, 184.

⁶ Там же, стр. 184—185.

на развитие освободительного движения и движения за присоединение к России оказал Персидский поход Петра I»¹.

П. Т. Арутюнян соглашается с А. Г. Иоаннисяном и считает, что Эчмиадзинское тайное собрание состоялось не в 1678 г. (как заявляет И. Ори), а в 1677 г. или раньше, так как католикос Акоп Джугаеци в 1677 г. покинул Армению и был в Грузии. «Либо это совещание было до 1677 г., — пишет он, — либо его вовсе не было»². Мы не можем признать убедительным этот довод, так как совещание могло состояться не в Эчмиадзине (в «объяснении» И. Ори в Посольском приказе отмечается, что совещание состоялось «в Ревани городе», см. Эзов, стр. 92), а в Ереване или в другом месте, куда мог бы тайно приехать Акоп Джугаеци. Наконец совещание могло состояться и без католикоса, но с его согласия. Армянские старшины должны были назвать совещание Эчмиадзинским (при участии главы церкви) для того, чтобы обращение сделать официальным и более вским.

Те шероховатости и неточности в формулировках, которые прокрались в его статьи, в машинописной диссертации и автореферате в основном были устранены при подготовке монографии к печати³.

Можно спорить об оценках и характеристике отдельных деятелей освободительного движения, тех или иных событий, но нельзя не отметить, что в работе Арутюняна основной вопрос формирования русской ориентации поставлен правильно, хотя Арутюнян не затрагивает вопросов истории политических сношений армян с Россией в XVI—XVII веках и не разграничивает два понятия — русская ориентация и борьба за присоединение. Как показывает В. П. Лыцов, народы Закавказья боролись не просто за присоединение, ведь была программа создания грузино-армянского царства и т. д.⁴

Хочется отметить также примечательную работу Л. С. Хачикяна «Армянские колонии на Украине в XVI—XVII вв.» (в сокращенном виде она издана в сборнике «Дружба народов»⁵), в которой хорошо иллюстрирована историческая дружба армян с украинским и русским народами, их совместная борьба за воссоединение. Автор статьи правильно отмечает, что организаторы освободительного движения армян зорко следили за ходом воссоединения, связывая свои надежды с усилением России. Этим объясняет он, и не без основания, обращение Акопа Джугаеци к царю Алексею Михайловичу.

Пример украинских поселений не только единичный, но характерный для середины XVIII века в армянских политических кругах вообще.

¹ Там же, стр. 193. См. также стр. 280—281.

² Там же, стр. 137.

³ Наши общие замечания о книге П. Т. Арутюняна см. в нашей и Кунцевой рецензии в «Коммунисте» от 6/IX 1955 г.

⁴ В. П. Лыцов в своей интересной монографии поднимает массу вопросов, но они непосредственно к теме не относятся, см. «Персидский поход Петра I», М., 1951.

⁵ Լ. Սալբաթյան, Հայկական զաղուխալարերը Ուկրաինայում 16—17 դդ., Հայկական ՍՍՌ-ում «Տեղեկագիր». 1954, № 4, էջ 43—81, «Дружба народов», Ереван, 1951.

Տեղեկագիր 4—4

М. Г. Нерсисян в своей монографии «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма»¹ обсуждаемой проблеме посвящает специальную главу «Русская ориентация освободительного движения». Как в этой главе, так и во всей книге многочисленными фактами показано, что «освободительное движение западных армян против турецкого деспотизма имело русскую ориентацию»². Рассматривая освободительное движение балканских и закавказских народов на широком фоне международных отношений и усиления роли России, автор делает правильное обобщение о том, что уже с XV века «идея освободительной миссии русского государства получила широкое распространение также среди народов Закавказья»³. Таким образом, еще с XV века появляется не только почва для освободительной легенды, но в известном смысле уже зарождается и сама легенда, на которую в XVIII в. И. Ори мог сослаться не изменяя исторической правде.

Переходя к русско-закавказским отношениям, М. Г. Нерсисян пишет, что в 1660 г. как в Восточной, так и Западной Армении зреет освободительная борьба армян, надеявшихся на помощь России. Рассматривая первые документы о политических связях армян с русским двором (переговоры армянских купцов в 1660—1670 гг., письмо гандзасарского католикоса Петра и Акопа Джугаеци), автор приходит к выводу, что русская ориентация армян формируется в XVII веке и чем дальше, тем больше становится популярной. «Несомненно,—пишет он,—чрезвычайно велика та роль, которую сыграл видный политический деятель Израел Ори..., но было бы неверно утверждать, что в армянской действительности создателем русской ориентации и ее первым представителем был Ори. Нельзя отрицать старания в этом деле предшественников Ори»⁴.

В резюме книги М. Г. Нерсисян отмечает, что русская ориентация армянского народа «сложилась на протяжении веков на основе экономических, политических и культурных связей, военного сотрудничества и дружбы между русским и армянским народами»⁵.

Приведенные материалы показывают, что армянские советские историки в течение десятилетий сделали большую и серьезную работу по изучению истории формирования и развития русской ориентации армянского народа.

Задача дальнейшей работы заключается в том, чтобы собирать, обобщать факты армяно-русских экономических и культурных связей в XV—XVII вв., глубоко изучить внутренние и международные условия формирования русской ориентации освободительного движения.

¹ Իր Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրող պայքարը թուրքական զեպոտիզմի դեմ, Երևան, 1955:

² См. там же, стр. 342.

³ Там же, стр. 314.

⁴ См. там же, стр. 345—346.

⁵ Там же, стр. 395.